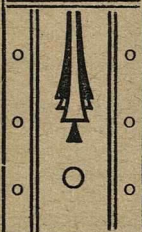

Послѣднія
звѣрства
нѣмцевъ и
австрійцевъ

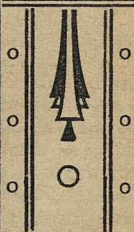

ПАЛАЧИ И МАРОДЕРЫ.

Составилъ Альбіоновъ.

во Франціи
въ Бельгіи
= и =
въ Сербіи.

ПАЛАЧАМЪ.

Горе вамъ, безжалостные звѣри,
Горе вамъ—ужъ близокъ грозный судъ.
Скоро вамъ, не въ той же самой мѣрѣ,—
Но за все сторицей воздадутъ.
Мнили вы держать весь міръ въ око-
вахъ

И явились демонами зла,
Нѣтъ именъ дѣяньямъ гунновъ но-
выхъ,
Жертвамъ нѣтъ ни мѣры, ни числа.
Васъ, глухихъ и къ стонамъ и къ про-
клятью,

Позади которыхъ лишь гроба,
Навсегда позорною печатью
Заклеймить безжалостно судьба.
Годъ за годомъ скоро въ вѣчность ка-
нутъ,

Но печать останется на васъ,
Тѣни жертвъ предъ вами грозно вста-
нутъ,
И смутятъ покой вашъ въ смертный
часъ!

Н. А. Карповъ.

ПАЛАЧИ.

Разсказъ-фактъ изъ войны 1914 г.

I.

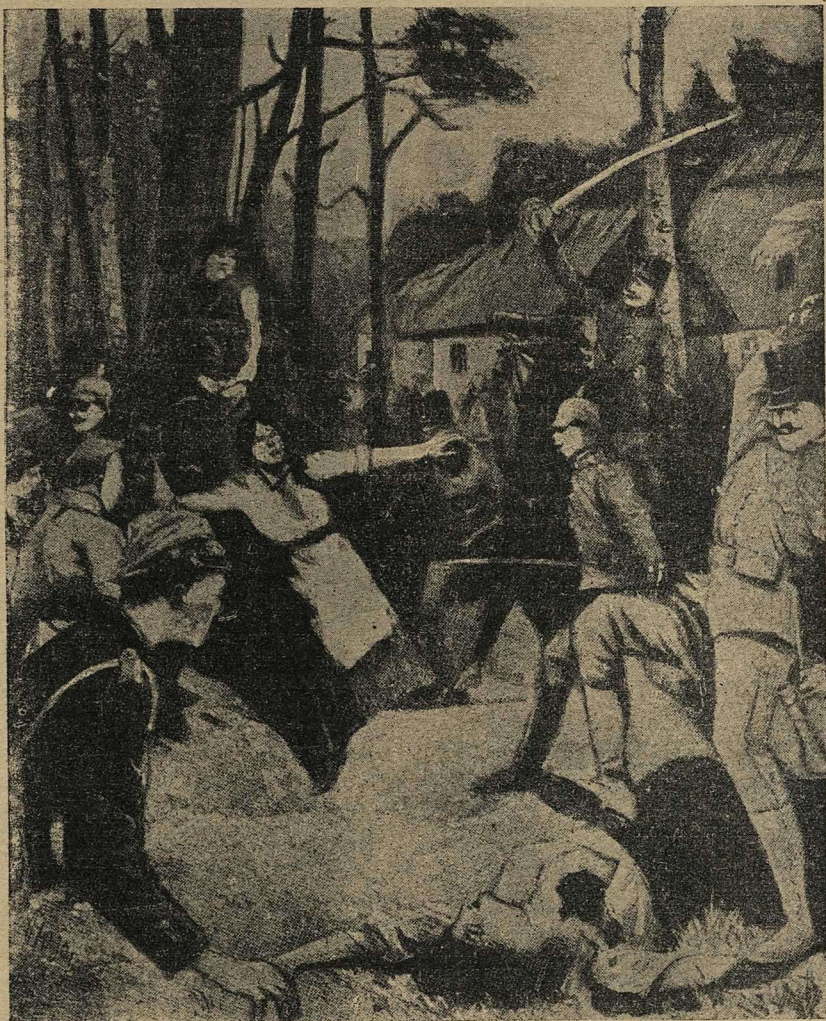
Въ девять часовъ утра 25-го августа 1914 года авангардъ прусской пѣхоты вступилъ въ бельгійское селеніе.

Немедленно разставили часовыхъ и приступили къ строжайшему обыску домовъ, но это не повело ни къ чему. Не нашлось ни ружья, ни сабли, ни револьвера.

Полковникъ приказалъ обойти ближайшія окрестности, и эта мѣра не повела ни къ чему удовлетворительному.

Тогда онъ приказалъ собрать на площадь всѣхъ жителей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Приказаніе это исполнили немедленно и все населеніе Конопляника, въ сто-восемьдесятъ человѣкъ, включая дѣтей, собралось на указанномъ мѣстѣ спокойно и холодно.

Звѣрства нѣмцевъ надъ мирными жителями.

Полковникъ замѣтилъ, что всѣ мужчины были стары; въ числѣ ихъ не находилось ни одного молодого.

— Гдѣ мэръ этой деревни?—грубо спросилъ полковникъ.

— Передъ вами,—тихо отвѣтилъ вы-
сокій старикъ, вышедшій впередъ.

— Такъ ты мэръ?

— Я, сударь.

— Почему нѣтъ налицо молодыхъ людей?

— Они въ отсутствіи.

— Гдѣ же?

— На службѣ; они должны были явиться въ армію, когда объявили войну.

Полковникъ нахмурился.

— Лейтенантъ Штейнбергъ!—крикнулъ онъ.

Щеголеватый офицеръ выступилъ впередъ.

— Книгу!

— Вотъ она, господинъ полковникъ.

— Читайте объ этой деревушкѣ!

Отдѣлъ продовольствія!

Молодой лейтенантъ поклонился и сталъ читать:

— «Скотъ: быковъ 22, коровъ 35, барановъ 227, лошадей, ословъ и муловъ 18, телѣтъ 12, куръ, утѣкъ, гусей около 200. Фуражъ: соломы ржаной и овсяной около 3000 вязанокъ, хлѣба 285 пудовъ, овса 431; население тихое, честное, мирное, безвредное, мѣра зовутъ Юганомъ Шинеромъ».

— Довольно, довольно!—съ живостью перебилъ полковникъ:—не къ чему читать дальше.

Молодой офицеръ опять склонилъ голову и закрылъ книгу.

— Какъ видите,—продолжалъ полковникъ:—я имѣю вѣрныя свѣдѣнія о вашемъ имуществѣ.

— Если бы вы потребовали отъ меня отчета о небольшомъ достояннѣ нашемъ, возразилъ старикъ съ достоинствомъ:—я исполнилъ бы это съ строгой точностью; мы не лжемъ.

— Дѣло возможное; теперь же вы мнѣ выдадите половину всего, что упомянуто въ спискѣ. Даю вамъ полчаса, чтобы исполнить мое приказаніе; въ случаѣ неповиновенія деревня будетъ сожжена.

— Позвольте почтительно замѣтить вамъ, что требованіе ваше заставитъ насъ умирать съ голода; эти съѣстные припасы намъ необходимы. Во имя человѣколюбія, умоляю васъ довольствоваться третью или четвертью. Мы здѣсь беззащитные люди. Въ чемъ можете вы упрекнуть жителей этой бѣдной деревни? Они не сдѣлали никакого зла ни вамъ, ни кому-либо изъ вашихъ; во имя Бога, которому молитесь и вы, отпѣните ваше варварское приказаніе.

— Вы съ ума сошли, честное слово!—посмѣиваясь, возразилъ полковникъ. —Я могу отнять все у васъ, а довольствуюсь половиною, и вы еще недовольны! Полноте! я никогда не отменяю данного приказанія; повинуйтесь, если не хотите видѣть хижины свои объатыми пламенемъ!—

Не слушая ничего больше, полковникъ далъ шпоры лошади и усакалъ въ сопровожденіи офицеровъ, которымъ отдавалъ приказанія относительно перевозки контрибуціи, наложенной на несчастную деревню.

Убитые горемъ, но покоряясь своей участи, жители тотчасъ принялись приводить въ исполненіе варварское приказаніе, которое дано имъ было такъ жестоко.

II.

Пруссакъ везли съ собою пятнадцать грузовыхъ автомобилей для склада добычи, безжалостно исторгаемой во всѣхъ несчастныхъ селеніяхъ, которыхъ удостоивали своимъ посѣщеніемъ.

Автомобили эти тянули за колонною, составляя, такъ сказать, мрачный арьергардъ. Ихъ продвинули впередъ

и поставили въ самой деревнѣ. Такъ какъ на этотъ разъ добычи было чрезвычайно много, къ автомобилямъ присоединились всѣ телѣги, какія оказались у крестьянъ. Тутъ-то нѣмцы приступили къ грабежу съ систематичностью и порядкомъ, которые они вносятъ во все.

Не могло быть зрѣлища болѣе прискобнаго и раздирающаго, какъ эти несчастные крестьяне, вынужденные притѣснителями приводить имъ свой скотъ, перетаскивать свой хлѣбъ, сѣно и солому, и помогать складывать въ исполнскіе автомобили всѣ эти припасы, стоившіе имъ столько тяжелаго труда и предназначенные способствовать къ благосостоянію ихъ семействъ, а теперь безжалостно у нихъ отнятые при поштыхъ остротахъ, оскорбительномъ хохотѣ и наглыхъ шуткахъ.

Трупы сербскихъ юношей, найденные послѣ набѣга на сербскую деревню австрійскихъ войскъ.

Когда пробилъ часъ отъѣзда, солдаты стали въ ряды и ожидали одной команды, чтобы двинуться въ путь.

Вдругъ, полковникъ махнулъ рукою и всѣ остались неподвижны на своихъ мѣстахъ.

Полковникъ обратился къ мѣру, все еще стоявшему возлѣ него.

— Подойдите,—приказалъ онъ.

Старикъ повиновался.

— Готовы ли вы отвѣчать на мои вопросы?

— Спрашивайте, сударь,—коротко сказалъ старикъ: если вопросы ваши будутъ такого свойства, что отвѣчать могу, то постараюсь удовлетворить васъ.

— Который вашъ домъ?

— Тотъ, передъ которымъ вы находитесь.

— Эта большая бѣлая хижина, крытая соломою?

— Именно.

— Гдѣ ваше семейство?

— Вотъ оно здѣсь возлѣ меня.

И рукою старикъ указалъ на немного сгорбленную старуху лѣтъ около шестидесяти восьми, даухъ мужчинъ лѣтъ пятидесяти, двухъ женщинъ отъ сорока до сорока-пяти лѣтъ, и трехъ молодыхъ дѣвушекъ отъ пятнадцати до семнадцати лѣтъ, бѣлокурокъ прелестныхъ, но еще не вошедшихъ въ силы.

— Это вся ваша семья?—спросилъ полковникъ.

— Еся, сударь.

— Внуковъ у васъ нѣтъ?

— Три внука; они ушли, присоединиться къ своему корпусу.

— Хорошо, окружить этихъ людей, чтобы ни одинъ не могъ бѣжать.

— Зачѣмъ имъ бѣжать?—возразилъ старикъ:—вѣдь они не совершили никакого преступленія.

Солдаты немедленно исполнили приказаніе полковника.

Остальные крестьяне дрожали отъ ужаса и озирались растерянно; большая часть усердно молилась.

— Ваше семейство отвѣтитъ мнѣ за васъ и послужитъ залогомъ!—съ злою усмѣшкой сказалъ полковникъ.

— Я не понимаю васъ, сударь,—возразилъ старикъ съ скорбнымъ изумленіемъ.

— Будьте покойны,—скоро поймете!—сказалъ полковникъ прежнимъ тономъ холодной ироніи.—Вы должны немедленно объяснить мнѣ расположеніе бельгійскихъ войскъ около границы, должны сообщить номера полковъ и сообщить цифры орудіи и пулеметовъ. Какъ мѣръ пограничнаго селенія, вы должны имѣть эти свѣдѣнія!

— Я ихъ не имѣю!—спокойно сказалъ бельгіецъ.

Полковникъ покраснѣлъ отъ злости.

— Теперь вслушайтесь-ка повнимательнѣе въ то, что я скажу: я вполне убѣжденъ, что вы знаете многое, но упорно отъ меня скрываете; я даю вамъ пять минутъ на размышленіе, если послѣ этого срока вы не рѣшитесь рассказать мнѣ все съ полной откровенностью, донерветтеръ! я накачу васъ такъ, что чезетъ сто лѣтъ еще будутъ говорить объ этомъ съ ужасомъ.

Полковникъ отъѣхалъ, разговаривая съ офицерами.

Они хотѣли страшнымъ примѣромъ нагнать страхъ на этихъ бельгійцевъ, которые несмотря ни на что осмѣливались противиться нѣмецкому воинству.

Однако, всѣ члены семьи мѣра оставались невозмутимыми среди цѣпи солдатъ, которые окружали ихъ и бдительно караулили; за ними стояли остальные жители деревни, грустные и объятые невыразимымъ ужасомъ.

Полковникъ везулъ къ этой группѣ вскачь, сопровождаемый всѣмъ своимъ штабомъ и остановилъ лошадь предъ старикомъ.

— Ну что,—грубо и грозно спросилъ онъ:—обдумали ли вы и приняли, наконецъ, рѣшеніе мнѣ повиноваться?

— Я не понимаю васъ!—съ твердостью возразилъ старый бельгіецъ:—я исполнилъ всѣ ваши требованія, отвѣтилъ на всѣ ваши вопросы, чего же вы хотите еще?

— А! такъ-то!—вскричалъ полковникъ въ ярости:—вотъ мы увидимъ!

— Я готовъ на пытку и на съѣтъ, поступайте же какъ угодно!—возразилъ старикъ съ рѣдкимъ величіемъ.

Полковникъ бросилъ на него взглядъ

глены и обратился къ своимъ офицерамъ.

— Вы всё свидѣтели, господа,—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ:—упорства этого подлеца?

Офицеры почтительно склонили головы.

— Когда меня вынуждаютъ къ этому, правосудіе должно быть совершенно, и правосудіе страшное, прибавилъ онъ съ свирѣпою усмѣшкой:—мы увидимъ, увидимъ!

И онъ сказалъ капитану Шимельману:

— Велите взять этихъ трехъ женщинъ, совершенно обнажить ихъ и крѣпко привязать къ деревьямъ.

— Которыхъ женщинъ, господинъ полковникъ? — почтительно спросилъ капитанъ.

— Вотъ этихъ,—указалъ полковникъ на трехъ молодыхъ дѣвушекъ.

Несчастныя помертвѣли; онѣ едва вышли изъ дѣтскаго возраста, старшей только что минулъ 18-й годъ, младшей было пятнадцать; отъ нервнаго озноба онѣ задрожали всѣмъ тѣломъ, лица ихъ исказились отъ ужаса и выразили безумный страхъ, онѣ дико озирались вокругъ и съ посинѣвшихъ губъ ихъ только срывались слова, послѣдній протестъ поправленной стыдливости:

— О! мама, мама!

И онѣ по безотчетному побужденію искали защиты въ объятіяхъ матерей.

Выраженіе ихъ лицъ раздирало душу; въ ихъ голосахъ звучало такое отчаяніе, что даже солдаты почувствовали невольную жалость; эти грубые натуры, равнодушные рабы кроваваго деспота, имѣли матерей и сестеръ въ своемъ краю.

Одинъ полковникъ держался прямо и гордо на лошади и, съ сигарою во рту, смотрѣлъ на эту сцену съ видомъ насмѣшки.

Содроганіе ужаса, подобно электрическому току, пробѣжало по рядамъ толпы, повергнутой въ оцѣпенѣніе отъ такого циническаго варварства.

Продолжительный стонъ поднялся къ небу, единственный и трогательный протестъ несчастныхъ противъ такого чудовищнаго злоупотребленія власти.

— О! — вскричалъ полковникъ съ грозною усмѣшкой:—эти негодяи, кажется, смѣютъ бунтовать? Эй, вы! прицѣлитесь въ нихъ и стрѣлять, если пикнетъ хоть одинъ!

— Погодите, ради Бога! — воскликнулъ старикъ-мѣръ и по лицу его заструились слезы.

Онъ почти безсознательно ухватился за поводъ лошади полковника.

— Не трогай, негодяй! — крикнулъ полковникъ и ручкой револьвера ударилъ старца по головѣ.

Тотъ грохнулся объ землю съ раскroеннымъ лбомъ, но тотчасъ опять всталъ на ноги, отирая кровь, которая ручьемъ лилась изъ его раны.

— Умоляю васъ именемъ всего, что есть наиболѣе святаго въ мірѣ, именемъ того же Бога, которому поклоняетесь и вы, пусть одна моя кровь прольется сегодня! Развѣ мы виновны, развѣ мы должны отвѣчать за эту страшную войну? Мы, населеніе безобидное и ничего не знающее о дѣлахъ свѣта? У васъ есть же сестры, матери, жены, которыя любятъ васъ и на родинѣ вашей оплакиваютъ ваше отсутствіе; во имя этихъ дорогихъ существъ, будьте милосердны, будьте

людьми. Самые свирѣпыя дикіе звѣри, и тѣ любятъ своихъ дѣтенышей, защищаютъ ихъ, даютъ убить себя за нихъ, не будьте же безжалостнѣе дикіихъ звѣрей, вспомните вашихъ матерей, вашихъ сестеръ и пощадите стыдливость и невинность бѣдныхъ дѣтей, которыя не сдѣлали вамъ ничего, не тираньте женщинъ, будьте милосердны къ слабымъ...

— Кончилъ ты свою проповѣдь? перебилъ полковникъ съ злою усмѣшкой.

Предупреждаю, терпѣніе мое истощается.

— Еще слово, одно слово, умоляю васъ!

— Говори, но смотри, покороче.

— Если ничѣмъ удовлетворить васъ нельзя, если вы жалости не знаете, если сердце у васъ каменное,—продолжалъ старикъ еще съ большею убѣдительною:—если вамъ непременно нужна кровь, чтобы насытить вашу ярость противъ всѣхъ, кто носитъ названіе бельгійца—здѣсь есть мужчины, и не мало ихъ; возьмите насъ всѣхъ, ведите съчъ, разстрѣлять даже, если такъ угодно, мы умремъ съ радостью, чтобы спасти тѣхъ, кого любимъ; но ради самого неба сжальтесь надъ женщинами, надъ нашими дѣтьми, не ставляйте обнаженныхъ дочерей нашихъ насмѣшкамъ вашихъ солдатъ, оскорбленіямъ и поруганію; мы готовы на казнь, берите насъ!

— Да, берите насъ! — вскричали всѣ старые мужчины въ одинъ голосъ:—мы готовы!

Полковникъ засмѣялся.

— Скоты эти воображаютъ о себѣ Богъ вѣсть что! — вскричалъ онъ:—не понимая того, что жизнь ихъ въ моихъ рукахъ, что вздумается мнѣ, и они всѣ будутъ разстрѣляны по одному моему знаку. Ну, молчать! — крикнулъ онъ:—а вы, слушать команды!

У крестьянъ вырвался крикъ ужаса.

Три молодыя дѣвушки грубо были вырваны изъ объятій убитыхъ горемъ матерей.

Несмотря на ихъ слабое сопротивление, увы! скорѣе безотчетное, чѣмъ сознательное, послѣдній протестъ низко поруганной стыдливости, съ нихъ сорвали одежду и, совершенно обнаживъ, привязали къ деревьямъ.

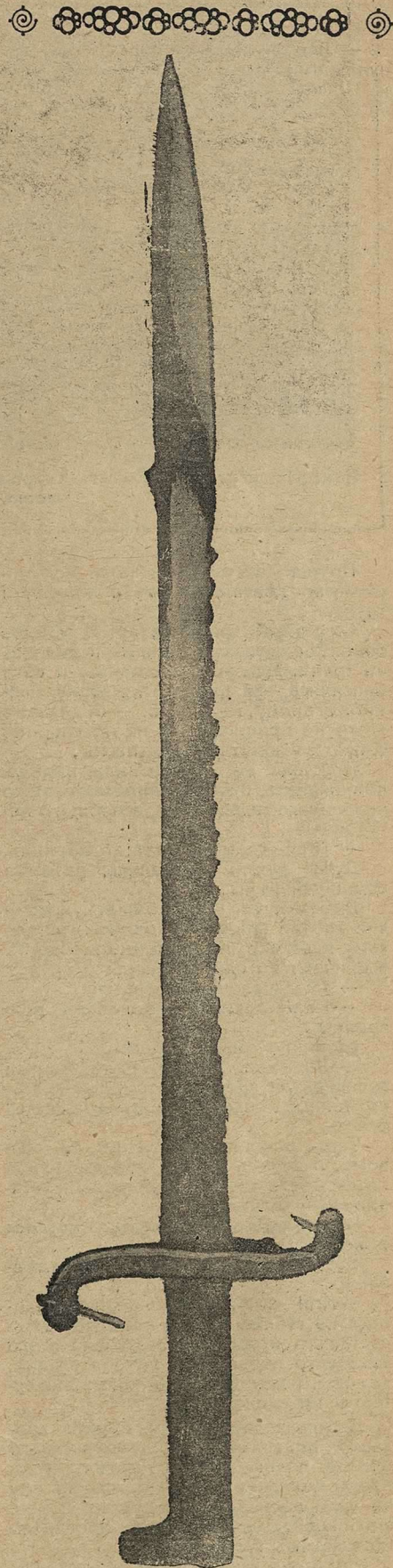
Зрѣлище было ужасное. Три бѣдныя дѣвочки, блѣдныя, съ чертами искаженными отъ стыда и горя, почти въ обморокѣ, обезумѣвъ отъ ужаса и оскорбленнаго цѣломудрія, заливались слезами, а возлѣ нихъ стояли холодные, безстрастные и суровые три унтеръ-офицера, вооруженные каждый длиннымъ, гибкимъ прутомъ, ожидая, со взоромъ устремленнымъ на начальника, команды приступить къ казни, а предъ ними все населеніе деревни, старики, женщины и дѣти въ безграничномъ отчаяніи ломали руки, возводили очи къ небу и плакали навзрыдь почти подъ дуломъ направленныхъ на нихъ ружей.

Цивилизація какъ-будто ушла на три вѣка назадъ и вернулась эпоха полного варварства.

— Однако, пора покончить съ этимъ, — продолжалъ полковникъ: — время уходитъ, намъ слѣдовало бы уже быть далеко.

Онъ взмахнулъ саблей и крикнулъ палачамъ:

— Дѣлайте свое дѣло!

Пилообразный германскій штыкъ, причиняющій особенно мучительныя раны.

Нѣмецкія звѣрства въ Бельгіи. Картина недавно еще цвѣтущихъ полей, послѣ нашествія варваровъ.

Прутя свистнули и какъ ножомъ рѣзнули дѣвушекъ по обнаженной груди.

Страшный крикъ исторгла у нихъ боль. Вопли ужаса и отчаянія поднялись въ толпѣ. Мужчины, женщины и дѣти бросились,—не противиться этому возмутительному истязанію,—бѣднякамъ этого не пришло бы и на мысль,—но собою заслонить несчастныхъ.

Пруссаки не поняли, или, вѣрнѣе, прикинулись, будто не понимаютъ этого невольнаго изъясненія всеобщаго негодованія.

— Пли!—скомандовалъ полковникъ. Дула ружей поднялись; раздался страшный залпъ.

Вмѣсто того, чтобъ бѣжать, крестьяне тѣснѣе прижались одинъ къ другому и, взмахнувъ шляпами въ воздухъ, вскричали въ одинъ голосъ:

— Да здравствуетъ Бельгія!

— Пли!—опять скомандовалъ полковникъ.

Вторично грянулъ залпъ.

— Да здравствуетъ Бельгія!—снова воскликнули крестьяне въ порывѣ восторженной преданности, призывающей смерть.

Такъ продолжался залпъ за залпомъ, и вслѣдъ за каждымъ крики: «Да здравствуетъ Бельгія» —постепенно становились слабѣе.

Послѣ пятого залпа настала мертвая тишина.

Все населеніе деревни было истреблено.

— Ага!—вскричалъ полковникъ, поднося къ губамъ сигару, которую не переставалъ курить во все время этого жестокаго побоища: — гнѣздо эхиднъ, кажется, раздавлено; въ живыхъ не остается ни единой.

Вдругъ, человекъ, или, вѣрнѣе, кровавый призракъ безъ человѣческаго образа, поднялся изъ груды тѣлъ, сталъ предъ полковникомъ, и брызнувъ ему въ лицо нѣсколькими каплями крови, струившейся изъ его ранъ, произнесъ могильнымъ голосомъ:

— Каинъ! Будь заклеймленъ, какъ первый убійца! Проклинаю тебя... проклинаю!

Прусскій полковникъ выхватилъ револьверъ, но раненый уже упалъ на-

взничъ—онъ былъ мертвъ прежде, чѣмъ коснулся земли.

— Господа!—холодно сказалъ полковникъ офицерамъ,—намъ здѣсь нечего дѣлать больше. Надо поджечь дома и двинуться дальше.

Приказаніе было исполнено тотчасъ, и вскорѣ несчастная деревня превратилась въ громадный костеръ.

Спустя десять минутъ прусскій отрядъ, впереди котораго ѣхали автомобили съ добычей, выщелъ изъ бывшаго бельгійскаго селенія.

Эженъ.

МАРОДЕРЪ.

Голубѣютъ сумерки, слышитъ
Въ нихъ земля таинственную боль...
Вѣтеръ сонный ласково колышетъ
Зябко никнуцій, испуганный ковыль...
Разбѣжится и, забывшись въ бѣгъ,
Набѣжитъ на жуткій слѣдъ гробницъ—
На куски изломанной тѣлѣги
И на маски жуткихъ, мертвыхъ лицъ...
А едва лишь стануть дали хмуры
И затихнетъ у окоповъ стукъ,
Въ поле выползутъ осклизлыя фигуры,
Шаря землю шупальцами рукъ...
— «Трупъ»... Вокругъ слезящіяся кочки...
— «Есть!»... Кинжалъ врѣзается въ сукно,
Рветъ на шеѣ тонкую цѣпочку
И бросаетъ алое пятно...
— «Портсигаръ... Какая-то иконка...»
«Золотой... хо-орошій медальонъ...»
Въ медальонѣ... волосы ребенка...
— «Хе-хе-хе... какой смѣшной...»
— «Лучше бѣ золото потолще... даже жаль,
Что оно такъ призрачно и тонко...»
— «Ну работа... нѣтъ совсѣмъ покоя!..»
«Вотъ какъ будто дрогнула нога...»
Мародеръ трусливою рукою
Въ трупъ вонзаетъ лезвее клинка...
И дрожа, иконку съ медальономъ
Сунувъ въ сальный виснуцій карманъ,
Уползаетъ въ голубой туманъ,
Уступая очередь воронамъ...

Сергѣй Михѣевъ.

МАРОДЕРЫ.

Разсказъ—фактъ изъ войны 1914 года.

Раненый въ бедро пулей французскій доброволецъ Этьенъ-Шуази упалъ, на мгновеніе потерялъ сознаніе, но скоро очнулся.

Товарищи-стрѣлки были далеко впереди.

Этьенъ замѣтилъ, что больше не видно комковъ земли, подпрыгивающихъ въ воздухѣ отъ падающихъ нѣмецкихъ пуль.

Бой отклонился въ сторону. Внезапно Этьенъ услышалъ какой-то странный шумъ справа.

Съ большимъ трудомъ повернулъ голову и увидѣлъ нѣмецкаго кавалериста, галопомъ въѣхавшаго на вспаханное поле.

Какъ разъ въ это мгновеніе нѣмецъ упалъ вмѣстѣ съ лошадыю, раненый осколками разорвавшагося около него снаряда.

Лошадь съ вырваннымъ брюхомъ, билась и расточала неистовые удары копытами, задѣвая нѣмца, стонавшаго отъ раны и ея ударовъ. Черезъ нѣсколько минутъ лошадь успокоилась на вѣки.

Стемпло.

Нѣмецъ лежалъ, придавленный мертвой лошадыю, въ двадцати шагахъ отъ Этьена, который, благодаря острому зрѣнію, различалъ очертанія лица врага, его рыжую бороду и усы.

На небѣ блѣдно мерцали далекія звѣзды. Глубокая тишина воцарилась вокругъ.

Шумъ битвы умолкъ. Ружейная стрелкотня больше не доносилась сюда.

Пушки рыкали далеко впереди.

Бедро Этьена мучительно ныло, но физическая боль не была такъ страшна Этьену, какъ сознаніе полной безпомощности—онъ не могъ двинуться съ мѣста—и одиночества.

Забывші!

Или товарищи перебиты—вѣдь ихъ было такъ мало, а нѣмецкій отрядъ многочисленъ.

И всетаки французы неудержимо бросились впередъ, чтобы побѣдить или погибнуть.

Нѣмецъ изрѣдка тихо стоналъ.

Этьенъ не чувствовалъ теперь никакой злобы къ врагу, очутившемуся въ такомъ же безпомощномъ положеніи, какъ онъ самъ.

Онъ съ радостью помогъ бы нѣмцу, перевязавъ его раны, но не смотря на попытки ползти—не былъ въ состояніи передвинуться даже на шагъ.

Медленно тянулись часы ночи.

Мучительная боль и еще болѣе мучительная тоска не давали Этьену сомкнуть глазъ.

Тѣснились воспоминанія о близкихъ. Томило желанье послать имъ послѣднее «прости».

О, если бы еще разъ передъ смертью увидѣть хоть разъ товарища француза.

Если бы еще хоть разъ пожать дружескую руку, услышать слово участія.

Какъ тяжело умирать, покинутому, одинокому, въ этой печальной долинь смерти.

Когда стала заниматься заря, Этьенъ

замѣтилъ двѣ человѣческія фигуры, приближавшіяся къ тому мѣсту, гдѣ онъ лежалъ.

Сначала Этьенъ принялъ ихъ за французовъ и горячо обрадовался.

Потомъ ему показалось, что это нѣмецкіе санитары, но скоро онъ убѣдился въ своей ошибкѣ.

Когда они приблизились—Этьенъ похолодѣлъ отъ ужаса.

Это были нѣмецкіе солдаты-мародеры, гіены поля битвы, жадность и жестокость которыхъ не знаетъ границъ.

Напрягши послѣднія силы, Этьенъ вынулъ изъ кармана брюкъ запасной браунингъ.

Стрѣлять, раньше чѣмъ они подойдутъ вплотную. Но, быть можетъ, звукъ выстрѣла привлечетъ другихъ разбойниковъ, рыскающихъ по необозримому полю битвы!

И тогда замучаютъ — пощады отъ нихъ не жди.

Этьенъ вспомнилъ, что еще на-дняхъ видѣлъ варварски изуродованные трупы французовъ, попавшихъ въ руки мародеровъ.

Послѣ нѣкотораго раздумья Этьенъ рѣшился.

Онъ вырылъ рукой маленькую ямку около себя, положилъ туда заряженный браунингъ и прикрылъ его землей.

Когда мародеры приблизились—Этьенъ не шевельнулся.

Онъ рѣшилъ превратиться въ мертваго, надѣясь, что это его спасетъ отъ звѣрей-пруссаковъ.

Солдаты съ тупыми лицами и низкими лбами подошли и съ грубымъ смѣхомъ занялись своимъ мерзкимъ промысломъ.

Они обыскали карманы Этьена, вывернули ихъ наружу, высыпавъ все содержимое...

Разрѣзали мундиръ, добрались до кожанаго пояса, въ которомъ защиты были деньги, сорвали съ груди золотой медальонъ съ портретомъ матери Этьена...

Мародеры грубо переворачивали француза, который продолжалъ играть роль мертвеца, несмотря на нестерпимую боль въ бедрахъ.

Судорожно стиснувъ зубы, Этьенъ героически переносилъ пытку, проклиная себя за то, что зарылъ браунингъ.

Теперь онъ не могъ пошевелиться безъ возбужденія подозрѣнія, а, имѣя въ рукахъ оружіе, онъ уложилъ бы обѣихъ прусскихъ гіенъ на мѣстѣ.

Но вотъ одинъ изъ мародеровъ замѣтилъ на лѣвой рукѣ Этьена золотое кольцо.

Не долго думая, пруссакъ выхватилъ шашку и, прежде чѣмъ Этьенъ успѣлъ отдернуть руку—отрѣзалъ палецъ, на которомъ красовалось кольцо—подарокъ жены Этьена, когда она еще была его невѣстой.

Страшная боль, кровь, брызнувшая ручьемъ, должны были бы заставить француза застонать, но мрачное, кошмарное воспоминаніе объ изуродованныхъ трупахъ, побѣдило и эту муку.

Потерять палецъ или быть замученнымъ палачами? И Этьенъ сдержался, почти теряя сознаніе отъ страшнаго напряженія воли.

Какъ разъ въ это мгновенье застоналъ нѣмецъ, лежавшій по сосѣдству, и мародеры бросились къ нему. . . .

Пользуясь тѣмъ, что вниманіе мародеровъ было обращено на нѣмца, Этьенъ успѣлъ обернуть изуродованную

Нѣмцы въ Брюсселѣ. Грабятъ населеніе.

руку носовымъ платкомъ и кѣе какъ приостановить кровь.

Стоны нѣмца становились все сильнѣе, переходя въ рыданія. Мародеры не церемонились со своимъ соотечественникомъ. Гіены и шакалы не имѣютъ родины.

Съ нѣмцемъ поступили такъ же, какъ и съ французомъ.

Этьенъ видѣлъ, какъ мародеры срывали съ кавалериста одежду и обыскали его карманы. Въ это время французъ откопалъ свой браунингъ и продавалъ стволъ, засыпанный землей.

Вдругъ нечеловѣческой вопль раненаго нѣмца заставилъ Этьена задрожать.

Онъ невольно приподнялся и увидѣлъ, какъ одинъ изъ мародеровъ штыкомъ выкалывалъ глаза нѣмцу, чтобы лишить того возможности впоследствии узнать грабителей.

Два выстрѣла раздались одинъ за другимъ.

Первый мародеръ, только что выколовшій глазъ нѣмцу кавалеристу, взмахнулъ окровавленнымъ штыкомъ, вскрикнулъ и, какъ подкошенный, упалъ на спину.

Второй негодяй только пошатнулся, раненый въ плечо, но Этьенъ выпустилъ въ него остальные пять зарядовъ и пруссакъ свалился изрѣшетенный пулями.

Нѣмецкій кавалеристъ продолжалъ пронзительно кричать, почти выть, держась рукой за кровавую рану на мѣстѣ глаза.

Когда, черезъ нѣсколько часовъ французскіе санитары добрались до мѣста описанныхъ нами событій—они нашли три трупа и умирающаго отъ потери крови француза.

Нѣмецкій кавалеристъ, не вынесъ нестерпимой боли, закололся тѣмъ самымъ прусскимъ штыкомъ, которымъ одинъ изъ мародеровъ выкололъ ему глазъ.

Евгеній Спо.

Докладъ бельгійской анкетной комиссіи о почти невѣроятныхъ звѣрствахъ нѣмцевъ въ Бельгіи.

Анкетная Комиссія по дѣлу о германскихъ звѣрствахъ опубликовала и разослала въ Антверпенъ докладъ слѣдующаго содержанія:

Въ среду, германская армія, предавъ огню всѣ деревни, черезъ которыя она проходила, вступила въ Лувенъ.

Войдя въ городъ, германцы проникли во всѣ частныя банки города и силой заставили ихъ выдать хранившіяся въ банкахъ деньги. Германскіе солдаты разбивали двери покинутыхъ жителями домовъ, грабили дома и предавались въ нихъ оргіямъ.

Германскія власти взяли въ качествѣ заложниковъ бургомистра города, сенатора фонъ-дербъ-Келена, вице-ректора католическаго университета и старшаго священника города; члены магистрата и судебныя чины были также задержаны.

Въ сосѣдней деревнѣ Корбекъ-Ло молодая женщина, мужъ которой находился въ арміи, была захвачена бандою германскихъ солдатъ.

Была уведена въ особое помѣщеніе, гдѣ пять солдатъ, поочередно совершили надъ нею насиліе, а затѣмъ посадили на штыкъ прусскаго ружья, закопаннаго на половину въ землю.

Въ той же деревнѣ, въ четвергъ, германскіе солдаты схватили молодую дѣвушку 16 лѣтъ и ея родителей.

Ихъ увели въ покинутое обитателями зданіе, а затѣмъ, въ то время, какъ нѣкоторые изъ солдатъ стерегли ея отца и мать, остальные повели дѣвушку въ погребъ, напоили ее и потомъ выволокли на поляну передъ домомъ и здѣсь поочередно изнасиловали.

Такъ какъ она сопротивлялась, то ей нанесли нѣсколько ударовъ въ грудь штыками.

Брошенная послѣ этихъ гнусныхъ поступковъ, дѣвушка была кѣмъ-то приведена къ ея родителямъ, въ настоящее время она скончалась.

Придя въ Гофстадтъ, бельгійскіе сол-

Бельгійская сям'я, спасаючаяся б'гствомъ отъ гунновъ 20-го в'ька.

даты нашли трупъ старухи, убитой штыковыми ударами.

Она еще держала въ рукахъ иголку, которой шила въ тотъ моментъ, когда ее прикололи.

Тутъ же лежали трупы женщины и 15-ти-л'ятняго мальчика, в'ьроятно, ея сына, пронзенные штыками.

Обнаруженъ былъ также пов'ьшенный мужчина.

Допрошенный Эдвардомъ Гертслемъ, сыномъ британскаго генеральнаго консула сэра Сесилия Гертслета, въ Антверпен'ь, свид'тель заявляеть, что онъ вид'ль близъ Малина, во время посл'дней атаки бельгійскихъ войскъ, старика, который былъ подв'ьшенъ за руки къ подпиравшей потолокъ его фермы балк'.

Его т'ло было совершенно обуглено, хотя голова, руки и ноги были пощажены огнемъ. Невдалек' обнаруженъ трупъ мальчика 15 л'тъ, руки котораго были перекручены веревками за спину, а т'ло покрыто многочисленными штыковыми ранами.

Многіе трупы крестьянъ лежали съ поднятыми для мольбы руками, въ положеніи людей, просящихъ о пощаде.

Жители деревень рассказываютъ о зв'рствахъ, совершенныхъ непріятелемъ.

Такъ, наприм'ръ, въ Ваккерзерфъ 7 н'мцевъ сперва надругались надъ женщиной, а зат'мъ убили ее.

Въ той же деревн' они обнажили до пояса молодого челоу'ька, грозили ему смертью, приставляя револьверъ къ его груди и кололи пиками, а зат'мъ прогнали его въ поле и пустили ему вдогонку н'сколько выстр'ловъ.

Остались только развалины и сл'ды опустошенія.

Отброшенные нашими солдатами и охваченные паникой, германскія войска прибыли въ Лувенъ къ сумеркамъ.

Съ этого момента германцы начали бомбардировать городъ.

Бомбардировка продолжалась до 10 час. вечера, зат'мъ германцы подожгли городъ.

Тамъ, гд' пожаръ не разгорался, германскіе солдаты проникали въ квартиры и разбрасывали для поджога гранаты.

Большая часть города Лувена, въ особенности кварталы, расположенные на возвышенности, въ которыхъ пом'щались нов'йшія зданія, соборъ св. Петра, университетскія аудиторіи со всей библиотекой университета, его рукописями и коллекціями, и большая часть ученыхъ учреждений, а также обширный театръ, стали немедленно добычей пламени.

Многочисленные трупы жителей валялись на улицахъ и площадяхъ; одинъ изъ свид'телей только на дорог' изъ Тирлемона въ Лувенъ насчиталъ бол'е 500 труповъ.

Предм'стье Лувена постигла та же участь.

Можно утверждать, что весь районъ между Лувеномъ и Парижемъ и большая часть предм'стій Лувена почти уничтожены.

Пожаръ продолжался н'сколько дней.

Являясь въ завоеванные поселенія, германцы обычно начинаютъ съ р'зни мужского населенія, а зат'мъ запирають оставшихся въ живыхъ мужчинъ въ м'стной церкви, а женщинъ заставляютъ идти домой и держать въ течение всей ночи двери своихъ квартиръ открытыми для пьяныхъ солдатъ и офицеровъ.

Многочисленные показанія свид'телей устанавливають, что въ поход' и даже во время атакъ германцы выставляютъ въ первые ряды населеніе, — мужчинъ и женщинъ, безъ различія, —

дабы этимъ удержать нашихъ солдатъ отъ стр'льбы.

Германскіе отряды не ст'сняются поднимать б'лый флагъ или флагъ Кр. Креста, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ приблизиться къ нашимъ войскамъ.

Сами же они стр'ляютъ въ наши полевые госпитали и оскорбляютъ д'йствіями нашихъ санитаровъ; они бьютъ и убиваютъ нашихъ раненыхъ.

Представители духовенства, повидимому, являются особымъ объектомъ ихъ покушеній.

Наконецъ, въ нашемъ распоряженіи им'ются разрывныя пули, брошенные непріателемъ въ Верхтеръ, и у насъ есть медицинскія свид'тельства о томъ, что пораненія были причинены именно этими пулями.

**Н'мецкій офицеръ заста-
вилъ мать и сестеръ убита-
го бельгійца пить кровь сы-
на и брата.**

Особымъ ужасомъ в'етъ отъ факта, установленнаго въ одномъ изъ м'стечекъ коммуны Спримо.

Нельзя безъ содраганія читать о сл'дующемъ случа'.

Одинъ н'мецкій офицеръ остано-вился въ квартир' м'стнаго обывателя Нандрена.

Офицеръ подошелъ къ вис'вшему въ квартир' телефонному аппарату и, подслушавъ случайно разговоръ, обвинилъ Нандрена въ сношеніяхъ съ бельгійской арміей.

Этого голословнаго обвиненія было достаточно для того, чтобы германцы зв'рски пристр'ляли г. Нандрена.

За убитаго отца вступился сынъ г. Нандрена, въ свою очередь, застр'лившій варвара-офицера.

Черезъ н'которое время въ домъ г. Нандрена былъ введенъ отрядъ германскихъ солдатъ подъ командой офицера, который заставилъ вдову г. Нандрена и двухъ ея взрослыхъ дочерей выпить кровь, сочившуюся изъ ранъ г. Нандрена.

Сообщеніе о посл'днемъ случа' строго пров'рено и является безусловно въполн' соответствующимъ д'йствительности.

Допрошенные односельчане г. Нандрена засвид'тельствовали, что его вдова и дочери были найдены посл' того, какъ ихъ заставили выполнить гнусное требованіе зв'ра н'мца, въ безсознательномъ состояніи.

**Какъ они убили мою не-
в'сту.**

(Рассказъ бельгійскаго солдата).

Мы проклинаямъ раны, обрекающія насъ на безд'йствіе.

Во время этого вынужденнаго безд'йствія являются мучительныя мысли, встають кровавыя картины, вспоминаются жестокости, которыя совершали другіе, или которыя приходилось совершать намъ самимъ.

Н'тъ, для насъ только одно спасеніе — смерть, ибо жизнь превратилась для насъ въ невыносимый адъ.

У меня былъ другъ, онъ жилъ въ томъ же городѣ, гдѣ и я: вчера я случайно встрѣтился съ нимъ, онъ былъ еще невредимъ и спросилъ меня, — такъ какъ я только-что пришелъ съ мѣстъ сраженія въ нашихъ родныхъ краяхъ, — знаю-ли я, что стало съ его родителями и сестрами.

Я зналъ, какая участь постигла ихъ, но сказалъ, что мнѣ это неизвѣстно, и онъ повѣрилъ мнѣ.

Теперь онъ убитъ, и, быть можетъ, онъ уже узналъ, что я хотѣлъ пощадить его, потому что всѣ его родные убиты.

О, я расскажу вамъ, какъ убили ихъ нѣмцы, и какъ они убили многихъ другихъ женщинъ... какъ они убили мою невѣсту. Сначала они публично насиловали дѣвушекъ и женщинъ. Потомъ нѣмцы погнали женщинъ, съ которыхъ содрали платья, совершенно обнаженными на фронтъ.

Передъ ними выстроился рядъ солдатъ со штыками, направленными на нихъ; другой рядъ солдатъ выстроился позади нихъ, и затѣмъ раздалась команда, и онѣ пали мертвыми. Другую партію обнаженныхъ бельгійскихъ женщинъ нѣмцы закопали живыми, предварительно отрѣзавъ соски грудей и набивъ осколками стекла половые органы.

Нѣмцы отрѣзываютъ уши у раненыхъ французовъ, насиловуютъ и закалываютъ сестеръ милосердія.

Газета „Politiken“ сообщаетъ слѣдующее показаніе сестры милосердія французскаго Краснаго Креста Марсель Жани, данное ею властямъ Намюра: „Послѣ боя возлѣ Монселя, я была послана съ двумя другими сестрами для оказанія помощи раненымъ. На полѣ битвы я застала баварскаго офицера и солдата за отрѣзываніемъ ушей у двухъ раненыхъ французовъ. Когда мы бросились на помощь несчастнымъ, баварскій офицеръ выстрѣлилъ въ меня. Пуля ранила меня въ руку и я упала, потерявъ сознаніе. Когда я пришла въ себя, я увидѣла рядомъ съ собою моихъ спутницъ изнасилованными и приколотыми штыками.

Нѣмцы вырѣзали груди английской сестрѣ милосердія и два раза разстрѣляли бургомистра Андресна.

Англійскія газеты сообщили, что въ Вильверле (Бельгія) германцы подожгли городскую ратушу, а затѣмъ, схвативъ сестру милосердія, англичанку Юмъ, вырѣзали ей груди.

Несчастная умерла въ ужасныхъ страданіяхъ.

Въ Анденѣ (Бельгія) около 300 человекъ жителей были поставлены къ стѣнѣ и всѣ разстрѣляны.

Бургомистръ Андресна, раненый лишь нѣсколькими пулями, притворился мертвымъ и вечеромъ пробрался въ свой домъ.

Въ то время, когда жена бургомистра дѣлала ему перевязку ранъ, въ

На поляхъ Эльзаса. Послѣ битвы эльзасскіе крестьяне подаютъ помощь немногимъ раненымъ, которыхъ не успѣли добить германскіе палачи.

домъ вошли германцы, схватили гео, снова поставили къ стѣнѣ и разстрѣляли.

Наглое издѣвательство нѣмецкаго офицера надъ приговоренными къ смерти французами.

При занятіи одного изъ городовъ на сѣверѣ Франціи нѣмцы, въ качествѣ заложниковъ, захватили мэра города вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами.

Заложниковъ помѣстили въ штабной квартирѣ, причѣмъ ихъ предупредили, что если наложенная на городъ контрибуція не будетъ уплачена въ теченіе опредѣленнаго срока, то они будутъ разстрѣляны.

Ихъ подвели къ окну и показали на отрядъ солдатъ, который долженъ былъ привести въ исполненіе этотъ приговоръ.

Спустя нѣкоторое время, одинъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ сѣлъ за рояль и сталъ играть похоронный маршъ Шопена, заявивъ:

„Послушайте эту музыку, она какъ разъ къ случаю. Вы не можете сказать, что вамъ не было оказано военныхъ почестей“.

Послѣ этого, заложниковъ вывели во дворъ и разстрѣляли.

Палачи-нѣмцы въ Лувенѣ

Толпа жителей Лувена, насчитывавшая отъ 6 до 8 тысячъ человекъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, была отведена, подъ конвоемъ отряда 162-го германскаго полка, въ манежъ этого города, гдѣ несчастные протомились всю ночь. Многие изъ нихъ должны были простоять на ногахъ до утра на полу, усыпанномъ битымъ стекломъ, терпя невыносимыя страданія.

Въ теченіе этой ночи нѣсколько женщинъ, отъ перенесенныхъ ими ужасовъ, сошли съ ума, а грудныхъ дѣтей умирали на рукахъ ихъ матерей.

Варварства нѣмцевъ въ бельгійскомъ городѣ Термондѣ. Специальныя орудія поджога.

Изъ 1,500 зданій Термонда уцѣлѣло лишь около 100. Госпитали, богадѣльни, церкви, — все это сожжено наряду съ частными домами. Во многихъ случаяхъ тяжело-больные, прикованные къ постелямъ, сжигались заживо вмѣстѣ съ помѣщеніемъ.

Но не въ томъ дѣло, что цвѣтущій Термондъ обращенъ въ развалины, дѣло въ томъ, что эти развалины — вопіющее доказательство сознательности содѣяннаго нѣмцами. Доказатель-

ство того, что их вымуштровали для быстрого систематического сжигания городов; доказательство того, что их снабдили специальными приспособлениями для выполнения такой задачи; и того, наконец, что им вменили это в обязанность.

Всѣ жители Термонда подписываются подъ официальнымъ сообщеніемъ въ англійскія газеты, рисуящемъ несчастную картину разрушенія ихъ города.

Причина,—какъ и причина бойни на улицахъ Лувена—мѣсть.

4-го сентября въ Термондѣ вернулся германскій корпусъ, разбитый и принужденный къ отступленію бельгійцами. Командиръ его, Соммерфельдъ, во всеуслышаніе заявилъ:

— Нашъ долгъ,—сжечь этотъ городъ...

Было затрачено два часа на приготавленія. Потомъ на улицахъ города появились небольшие отряды нѣмцевъ, которые, идя изъ конца въ конецъ каждой улицы, разбивали прикладами оконныя стекла по обѣе стороны.

За ними шли солдаты съ машинами и прыскали керосиномъ въ зіяющія отверстія оконъ. Большинство этихъ машинъ были ручными, но было нѣсколько и специально приспособленныхъ для этой цѣли автомобилей.

Замыкали процессіи солдаты съ факелами, поджигавшіе разбрызганный всюду керосинъ.

Эта педантичность, эта продуманность и подготовительность преступленія быстро сдѣлали свое дѣло. Черезъ часъ Термондъ пылалъ со всѣхъ концовъ. Черезъ три или четыре часа его не стало.

Существованіе такихъ „орудій поджога“, которыя здѣсь описаны со словъ жителей Термонда, подтверждаются и посѣтившимъ городъ, вскорѣ по его разрушеніи, корреспондентомъ „Morning Post“. Одну такую машину онъ видѣлъ своими глазами; нѣсколько другихъ, по его словамъ, находятся въ рукахъ бельгійскаго правительства.

Звѣрства австрійскихъ офицеровъ надъ сербскими крестьянами.

Австрійскіе офицеры подавали сами примѣръ своимъ солдатамъ въ смыслѣ учиненія звѣрствъ.

Такъ, на примѣръ, полковникъ Шензлеръ 26-го полка лично убивалъ тѣхъ плѣнныхъ и крестьянъ, которыхъ приводили къ нему, а женщинъ насиловалъ и засѣкалъ до смерти.

Лейтенантъ Бертичъ 28-го полка убилъ въ Лозницѣ семь дѣвушекъ, предварительно изнасиловавъ ихъ.

Капитанъ Консда 79-го полка и капитанъ Вуичъ 21-го полка рассматривали всякаго сербскаго солдата 3-го призыва, какъ вольнаго стрѣлка, и приказывали разстрѣливать его.

Полковникъ Зейфертъ 25-го полка и капитанъ Фейтъ 37-го полка приказывали поджигать дома.

Командовавшіе 2-мъ и 4-мъ отрядами приказывали своимъ солдатамъ уничтожать все, что принадлежитъ сербамъ, и носить имя сербовъ.

Командующій 13-мъ корпусомъ Реймондъ разрѣшилъ перебить 24 поселя-

нина обоего пола, большая часть которыхъ была преклоннаго возраста.

Австрійцы добивали раненыхъ сербовъ.

При медицинскомъ составѣ, состоящемъ изъ 9-ти дивизій, австрійцы на всемъ фронтѣ боя не подбирали ни одного сербскаго раненаго.

Въ австрійской арміи сербы были распределены по прежнему съ хорватами и венграми.

За малѣйшій проступокъ ихъ разстрѣливали.

Имъ даже не разрѣшено было называть себя сербами, а лишь православными славянами.

Въ сраженіяхъ ихъ ставили въ первую линію, а за ними шли венгерскія войска съ артиллеріей.

Звѣрства австро-венгерскихъ войскъ привели къ бунту въ арміи.

Прибывшіе бѣглецы изъ Стрема, эвакуированнаго сербами, рассказываютъ ужасы о жестокостяхъ, чинимыхъ австрійцами и мадьярами надъ мѣстнымъ мирнымъ сербо-славянскимъ населеніемъ за тотъ радушный пріемъ, который оно оказало сербскимъ войскамъ.

Нуженъ нѣмецъ Крафтъ-Эбингъ, авторъ „Половой психопатіи“, чтобы хладнокровно описать невѣроятныя звѣрства надъ женщинами, совершенныя австрійскими офицерами.

Эти жестокости достигаютъ такихъ размѣровъ, что вызвали сильное возмущеніе среди офицеровъ сербской и другихъ славянскихъ народностей австрійскихъ войскъ, которое превратилось въ серьезное вооруженное столкновеніе между отдѣльными частями войскъ, причемъ пущены были въ дѣло даже и пушки.

Звѣрства австрійцевъ надъ сербами.

Австрійскія войска учинили ужасающія звѣрства надъ сербскимъ населеніемъ въ Сріемѣ.

Они сжигали всѣ поселенія, вѣшали всякаго серба безъ различія, убивали предварительно изнасилованныхъ и звѣрски изуродованныхъ женщинъ и дѣтей, калѣчили младенцевъ, оскверняли сербскія церкви.

Многіе видные сербы узедены подъ конвоемъ въ разные города Венгріи; судьба ихъ неизвѣстна.

Бѣглецы передаютъ почти невѣроятныя подробности объ отчаянномъ положеніи сербскаго населенія Венгріи и Хорватіи.

Пришедшіе звѣри, палачи и хамы.

Судя по рассказамъ жителей занятыхъ нѣмцами французскихъ городовъ и перехваченнымъ письмамъ самихъ нѣмцевъ, послѣдніе возвели звѣрство, безчеловѣчье и грабежъ въ правила войны и систематически его примѣняютъ, не только съ разрѣшенія, но, быть

можетъ, и по предписанію верховной власти.

Вотъ, на примѣръ, перехваченное письмо взятаго въ плѣнъ германскаго офицера:

„Здѣсь болѣе, чѣмъ достаточно вина, и мы пьемъ его какъ воду. Первое, что мы дѣлаемъ, входя въ городъ, это опустошаемъ всѣ погребы и наполняемъ наши фляжки для воды доверху лучшими винами. Если бы это было не такъ, намъ нѣмцамъ пришлось бы плохо: пиво здѣсь отвратительное. Послѣ вина слѣдуетъ обыкновенно охота на дѣвочекъ.“

Грабятъ всѣ.

Представьте себѣ комнаты обращенныя въ конюшни: во всѣхъ углахъ сахаръ, рисъ, мука, битыя стекла, пустыя бутылки и т. д. Столовое полотно обязательно рвутъ на мелкія кусочки...

Шелковыя платья топчутъ сапогами.

Портятъ все, или все забираютъ съ собой, до женскаго бѣлья и чулокъ включительно.“

Очевидно, здѣсь не звѣрство обезумѣвшаго отъ предоставленнаго ему свободы отдѣльнаго человѣка.

Здѣсь цинизмъ системы.

Сравните съ этимъ проникнутую тѣмъ же цинизмомъ попытку „оправдать и осмыслить“ въ свое время культурной „Frankfurter Zeitung“:

„Война, съущая разрушеніе, есть въ то же время и путь къ новому творчеству. Во ея времена у человѣчества являлась энергія создавать вещи болѣе великія и болѣе прекрасныя, чѣмъ тѣ, которыя оно само же разрушило.“

Если нѣмецкія арміи въ своемъ побѣдномъ наступленіи бывають вынуждены разыскивать непріятеля не только въ крѣпостяхъ, но и въ старинныхъ и священныхъ памятникахъ цивилизаціи, мы можемъ имѣть, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что побѣда, купленная такъ дорого, не преминетъ привести къ созданію болѣе прекрасныхъ и болѣе великихъ произведеній искусства, чѣмъ средневѣковые храмы, упирающіеся въ небо.“

Человѣчеству предлагается, такимъ образомъ, вѣрить, что разрушеніе Реймскаго собора есть просто-на просто очистка мѣста для чего-то лучшаго, что сдѣлаютъ нѣмцы.

Нѣмцы-мародеры.

Въ Компьенѣ было официально констатировано, что во время пребыванія германцевъ въ этомъ городѣ, три большихъ вагона, приведенные на дворъ Компьенскаго дворца, были нагружены цѣнными вещами, похищенными солдатами и унтеръ-офицерами въ зданіяхъ, принадлежащихъ муниципалитету, а также въ частныхъ домахъ Компьена.

Грабежъ совершался въ присутствіи германскихъ офицеровъ.

Есѣмъ цѣннымъ вещамъ германскимъ унтеръ-офицеромъ была сдѣлана опись, а затѣмъ вагоны отошли, поднявъ флагъ Краснаго Креста.

Одновременно увезены цѣнные обои, въ которые были завернуты бутылки шампанскаго.

Многіе офицеры также носили повязку Краснаго Креста.

Безчинства палачей и насильниковъ-нѣмцевъ.

Корреспондентъ „Daily Chronicle“ телеграфируетъ изъ Вилдербургъ-Коттере, что нѣсколько нѣмецкихъ офицеровъ разграбили и разгромили великолѣпный замокъ, принадлежавшій извѣстному шоколадному фабриканту, милліонеру Менье.

Сперва нѣмцы выпили все шампанское, хранившіеся въ погребахъ Менье.

Когда управляющій заявилъ, что шампанскаго больше нѣтъ, то они пригрозили убить его и пошли вмѣстѣ съ нимъ въ погребъ, гдѣ и убѣдились, что шампанскаго, дѣйствительно, больше нѣтъ.

Въ теченіе 9 дней офицеры предавались безобразнымъ оргіямъ въ замкѣ Менье. Они затащили туда трехъ дѣвушекъ и буквально замучили ихъ своими звѣрскими ласками. Они съѣли всю живность и выпили все вино, а то, что не въ состояніи были выпить, они забрали съ собою на автомобиляхъ Менье.

Офицеры не побрезгали взять съ собою весь гардеробъ Менье, а дамскія шляпы и платья разорвали въ клочья.

Нѣмцы въ Бельгіи. Разрушивъ Лувенъ, нѣмецкій отрядъ остановился около города, такъ какъ буквально всѣ его дома нѣмцы сожгли и разрушили.

Прусское «честное слово»

Командиръ германской арміи у Нанси выпросилъ перемиріе для уборки труповъ и раненыхъ, давъ «честное слово» не пользоваться этимъ перемиріемъ для военныхъ цѣлей.

Лишь только прекратился бой, нѣмцы стали устанавливать на позицію противъ Нанси тяжелую артиллерію, намѣреваясь въ ту же ночь начать бомбардировку города.

Къ счастью, французы, замѣтивъ предательство, своими 75 мм. орудіями тотчасъ же отняли у нѣмцевъ возможность использовать «честное слово» съ выгодною.

Германцы—истязатели животныхъ.

Ознакомившись изъ сообщенія въ газетахъ, что одинъ изъ германскихъ плѣнныхъ офицеровъ крейсера „Магдебургъ“ при выходѣ изъ вагона, при всей публикѣ, истязалъ собаку, которую, тѣмъ не менѣе, при плѣнномъ офицерѣ оставили въ Петропавловской крѣпости, предатель петроградскаго отдѣла общества покровительства животныхъ шталмейстеръ И. И. Назимовъ обратился къ коменданту крѣпости съ просьбой, не признаетъ ли онъ болѣе цѣлесообразнымъ отнять отъ военноплѣннаго варвара несчастную собаку и передать ее въ общество покровительства животныхъ.

Ходатайство это комендантсмъ крѣпости удовлетворено. Собачка сдана подъ расписку попечителю лѣчебницы отдѣла, члену правленія Н. П. Цвѣткову.

Собачку назвали „Шумъ“.

Гнусная подлость германцевъ.

Спеціальныи комитетъ, организованный въ Бельгіи для установленія фактовъ нарушенія нѣмцами международнаго права и обычая войны, сообщаетъ:

„Въ ночь на 6-е августа около 100 нѣмецкихъ солдатъ, подойдя на 175 метровъ къ нашимъ траншеямъ, побросавъ оружіе, подняли руки вверхъ и выставили бѣлый флагъ. Командовавшій бельгійскимъ отрядомъ приказалъ прекратить огонь и отправился къ нимъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ солдатъ. Не успѣлъ онъ подойти на 100 метр., какъ его поразила пуля“.

Мародерство нѣмецкихъ принцевъ.

(Изъ французскихъ газетъ).

Парижская газета „Матэнъ“ рассказываетъ о посѣщеніи Реймса сыномъ Вильгельма Гогенцоллерна, принцемъ Августомъ-Вильгельмомъ, и братомъ Вильгельма II, принцемъ Генрихомъ Пруссимъ.

Они прибыли вечеромъ и остановились въ гостиницѣ.

Принцы потребовали четырехъ заложниковъ изъ богатыхъ и уважаемыхъ людей города, и принудили ихъ ночевать въ корридорѣ, рядомъ съ комнатами, гдѣ спали принцы.

— Если на насъ будетъ ночью совершено покушеніе, заложники будутъ повѣшены—заявилъ принцъ Генрихъ Пруссій.

На слѣдующее утро оба принца поспѣшно покинули Реймсъ, такъ какъ къ городу начали подходить французскія войска.

На память сынъ и братъ Вильгельма II увезли съ собою изъ гостиницы всѣ серебряныя ложки и нѣсколько серебряныхъ вазъ.

Старый звонарь Реймскаго собора погибъ на своемъ посту.

Газетъ „Politiken“ сообщаютъ изъ Парижа о геройской гибели стараго звонаря Реймскаго собора.

Онъ до конца остался на своемъ посту на колокольнѣ, не переставая звонить въ колокола, не смотря на то, что башни собора и самая колокольня уже были разрушены непріятельскими снарядами.

Рухнувшая колокольня погребла подъ развалинами стараго звонаря вмѣстѣ съ колоколами, въ которые онъ звонилъ сорокъ лѣтъ.

Разрушеніе Реймскаго собора.

Сонетъ.

Когда на башни Реймскаго собора Желѣзный падалъ дождь и рушилъ ихъ, Въ дыму и пламени змѣного спора Шелъ споръ извѣчный воинствъ неземныхъ.

Взирали ангелы, полны укора, На демоновъ, чей богохульный стихъ Въначалъ хвалой зачинщика раздора, Виновника безумій міровыхъ. Вопили камни, низвергаясь, грозно, И то, что было въ созиданьи розно, Единой грудой ждало: что Творецъ? А Онъ судилъ спокойно и сурово, И къ ангеламъ Его слетѣло слово, Въщавшее Германіи—конецъ.

Александръ Рославлевъ.

Гунны XX-го вѣка и Реймский соборъ.

«Они ничего не щадятъ, — сказалъ священникъ, показавшій корреспонденту «Daily Tel.» полуразрушенный Реймский соборъ, — мы помѣстили въ соборѣ 125 нѣмецкихъ раненыхъ и повѣсили на колокольнѣ флагъ Краснаго Креста, но нѣмцы все же бомбардировали соборъ и убили своихъ же собственныхъ солдатъ».

Священникъ открылъ маленькую дверь и ввелъ корреспондента въ алтарь. Восточная часть собора была повреждена меньше другихъ и хотя нѣкоторые окна были разбиты, но, видимо, ихъ было нетрудно поправить. Со всѣмъ иное впечатлѣніе получилось отъ главной части собора. Весь полъ здѣсь былъ покрытъ толстымъ слоемъ отбитой штукатурки, кусками металлическихъ оконныхъ рамъ и безчисленнымъ количествомъ кусочковъ цвѣтнаго стекла. Посерединѣ валялось старинное панцирное, цѣлое вѣка провисшее подъ куполомъ на стальной цѣпи. Снарядъ оборвалъ цѣпь, панцирь рухнулъ на каменные плиты и превратилось въ груды измятаго металла. Большія синія окна собора были полуразрушены, и стекла по большей части вывалились изъ нихъ. Верхнія окна были, видимо, пробиты снарядами, а нижнія пострадали отъ снарядовъ, разорвавшихся внутри собора. Одно изъ нижнихъ южныхъ оконъ со всѣмъ уничтожено. На полу на соломѣ лежатъ раненые нѣмцы. У одного окна громадная лужа крови — слѣды снаряда, убившаго здѣсь нѣсколькихъ раненыхъ».

По словамъ корреспондента „Times“а, въ соборѣ были убиты четыре сестры милосердія.

Кошмарный судъ палачей нѣмцевъ надъ «заподозрѣнными» въ шпіонствѣ.

Это былъ судъ страшно скорый. По одному подводили къ столу „шпіоновъ“. Слово было мало. Здѣсь уже витала смерть. Подсудимымъ обреченнымъ задавались одни и тѣ же вопросы, въ однихъ и тѣхъ же скупыхъ словахъ. „Имя“, „фамилія“, „откуда“, „занятіе“ — и все. И каждое слово звучало, какъ ударъ по гробовой крышкѣ. Въ результатѣ допроса короткое, сухое заявленіе: „шпіонъ“. Осужденнаго отводили въ сторону. Люди были совершенно раздвлены страхомъ, ночной мглой, суровостью судейскихъ лицъ, неожиданностью обрушившагося на нихъ несчастья и не могли ничего говорить. Судъ этотъ былъ какой-то послѣдней формальностью въ уже заключенной за нимъ сдѣлкѣ со смертью. Докторъ хотѣлъ было что-то сказать, но почувствовалъ, что здѣсь не разговариваютъ. Онъ попробовалъ попросить дать ему переводчика, чтобы объяснить суду ужасную ошибку, но его сразу перебили, едва ли разслушавъ. Точно звукъ его голоса кошмарно нарушалъ мѣрно развивавшуюся мрачную мессу смерти. Доктора допрашивали послѣднимъ и также отвели въ сторону.

Черезъ нѣкоторое время всѣхъ на томъ же разстояніи другъ отъ друга отвели на другой дворъ. Посреди двора стоялъ столбъ, въ сторонѣ запряженная платформа.

Начались разстрѣлы.

Сначала завязывали на спинѣ руки, затѣмъ завязывали глаза. Подводили къ столбу солдатъ, привязывали у поясицы и отходили въ сторону. Впереди на разстояніи 20 шаговъ выстраивались шесть солдатъ. Команда и залпъ. Верхняя половина тѣла, окровавленная, свѣшивалась внизъ. Трупъ отвязывали и клали на фургонъ. Стояли всѣ обреченные и смотрѣли. Не было уже и страха. Былъ столбнякъ. Шли къ столбу покорно. Не плакали, не упирались, не кричали. Точно еще до разстрѣла стали мертвецами.

Затѣмъ повели второго — остался 41 обреченный. Повели третьяго — осталось сорокъ.

Разстрѣлы шли правильно, безъ заминки. Всѣ оставались на мѣстахъ и тупо смотрѣли на столбъ. Иногда высокой струей брызнетъ кровь. Иногда изрѣшетенная жертва оставалась въ той же позѣ.

Палачи-пруссакъ.

(Разсказъ врача).

— На перевязочный пунктъ одной изъ нашихъ частей пришла старушка, лѣтъ 70, съ обуглившимися руками и обращенной огнемъ въ безформенную массу спиной. Она разсказала слѣдующее:

Около моей хаты нѣмцы застрѣлили солдата. Я вышла изъ избы и надъ трупомъ солдата стала проливать слезы. Это было подмѣчено нѣмецкимъ патрулемъ... Меня схватили, толкнули въ избы, сюда же швырнули трупъ. Избу подожгли съ четырехъ сторонъ. Солдаты штыками удерживали меня въ избѣ, чтобы я осталась и погубила въ пламени. Увѣренные въ томъ, что я сгорѣла, они ушли, благодаря чему я успѣла вотъ въ такомъ видѣ спастись.

Зіяющія раны на спинѣ, обуглившіяся руки и лицо — подвижъ нѣмецкаго патруля.

Жутко перечислять всѣ отдѣльные случаи нѣмецкой жестокости. Кошмаромъ вѣетъ отъ разсказовъ людей съ отрѣзанными ушами, съ выбитыми черезъ одинъ зубами, съ выкрученными и болтающимися руками.

Страшно смотрѣть на солдатъ съ вырѣзанными языками, съ выколотыми глазами.

Въ одномъ изъ нашихъ госпиталей томится молодой воинъ, которому нѣмцы выколотили штыкомъ оба глаза. Двѣ ямы вмѣсто глазъ. Врачи убѣдили бѣднягу, что зрѣніе къ нему вернется. Онъ вѣритъ, потому что хочетъ, старается вѣрить.

Безъ стоновъ переносить свою мучительную боль.

Подлость австрійцевъ.

Раненый полковникъ Ю., командиръ одного изъ полковъ, разсказываетъ:

— Неприятно то въ нынѣшней войнѣ, что считающіе себя культурными европейцами, нѣмцы и австрійцы дѣрются, какъ дикари.

Пристрѣливаніе раненыхъ, пользование разрывными пулями достаточно ярко характеризуютъ нашего непріателя.

Я самъ тяжело раненъ, исключительно вслѣдствіе подлости австрійцевъ, съ которыми мнѣ пришлось сражаться, командуя полкомъ.

Мы брали приступомъ австрійскій городокъ.

Атака наша шла успѣшно, и непріатель, видя, что ему не устоять, выкинулъ бѣлый флагъ.

Мало того, одинъ изъ офицеровъ снялъ свою каску и, надѣвъ ее на саблю, поднялъ вверхъ, показывая, что они сдаются.

Мы прекратили стрѣльбу и стали подходить къ непріателю.

Не прошли мы и десяти саженей, какъ вдругъ залпъ за залпомъ.

Стрѣляли яко-бы сдавшіеся австрійцы.

Я былъ раненъ въ бедро и въ ногу.

Не растерявшіеся солдаты посадили меня на коня и озлобленные кинулись на подлago врага.

Австрійцы не выдержали нашей атаки и были выбиты.

Нѣмецкая гнусность.

До чего дошла гнусность нѣмцевъ, показываетъ слѣдующій случай.

— Однажды, разсказываетъ раненый рядовой Кондинъ, мы сидѣли въ окопахъ.

Вдругъ видимъ, къ намъ подходитъ отрядъ нашихъ солдатъ, подъ командой офицера.

Ничего не подозревая, мы спокойно смотрѣли на приближающихся.

Когда отрядъ подошелъ на близкое разстояніе, солдаты вдругъ открыли по намъ стрѣльбу и съ крикомъ бросились къ окопамъ.

Тогда мы поняли, что это переодѣтые нѣмцы и, въ свою очередь, стали стрѣлять въ нихъ.

Наши выстрѣлы заставили обратиться непріателя въ бѣгство.

Мы преслѣдовали нѣмцевъ. Всѣхъ ихъ отрядъ погибъ...

Съ кѣмъ мы воюемъ.

Подъ Августовомъ, гдѣ нѣмцы бѣжали, кинувъ обозы и раненыхъ, нами былъ найденъ убитый русскій офицеръ. Лицо его было прикрыто платкомъ, на груди лежали золотые часы и серебряный портсигаръ, къ рубашкѣ была приколота записка, написанная карандашомъ:

— Уважаемые враги. Взяли у офицера лишь книжку донесеній, часы и портсигаръ оставлены въ неприкосновенности. Къ сожалѣнію, не имѣли возможности забрать этого тяжело раненаго и перевязать, такъ какъ у насъ очень много своихъ собственныхъ раненыхъ».

Найдя такую записку, наши были уже готовы восхищаться благородствомъ

противника, если бы рядомъ съ офицеромъ не лежали шесть труповъ на шихъ казаковъ съ отрѣзанными ушами и выколотыми глазами. Съ казаковъ были сняты шинели и карманы ихъ были опустошены.

Сдѣлавъ красивый жестъ, нѣмецкіе мародеры не могли не испортить сейчасъ же благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго ихъ поступкомъ съ офицеромъ.

Вандалы.

Первоначальное сообщеніе о бомбѣ, сброшенной германскимъ аэропланомъ надъ соборомъ Парижской Богоматери, оказалось неточнымъ. Въ дѣйствительности бомба эта взорвалась, и отъ нея загорѣлось бревно внутри собора. Такимъ образомъ, упавшая на соборъ бомба представляетъ собою снарядъ, предназначенный для поджога.

Обстрѣлъ русскаго госпиталя Цепелиномъ.

(Разсказъ прис. пов. И. Ф. Гефсиманскаго).

Со словъ своего родственника-офицера, раненаго въ послѣднихъ стычкахъ съ нѣмцами и находящагося въ данное время въ лазаретъ Евгеньевской общины въ Петроградѣ, прис. пов. И. Ф. Гефсиманскій, въ разговорѣ передалъ намъ слѣдующій возмутительный фактъ, характеризующій лишній разъ тевтонское варварство.

Верстахъ въ трехъ отъ расположенія той части, въ которой находился на полѣ битвы родственникъ прис. пов. Гефсиманскаго, былъ наскоро сооруженъ деревянный баракъ передового госпиталя.

На крышѣ этого барака, какъ и около его, были вывѣшены флаги Краснаго Креста.

Вдругъ надъ госпиталемъ на высотѣ 2,000 метровъ показался парашютъ „Цепелинъ“... Черезъ нѣсколько минутъ съ „Цепелина“ въ госпиталь бросили бомбу, но промахнулись.

Видя, что съ нашей стороны это озорство не отвѣчаютъ, „Цепелинъ“ опустился ниже и вторично бросилъ снарядъ. Но опять не попалъ.

Тогда онъ, рискуя опасностью быть подстрѣленнымъ, опустился совсемъ низко и въ третій разъ бросилъ снарядъ, которымъ разрушилъ часть госпиталя и убилъ и ранилъ нѣсколько своихъ и нашихъ раненыхъ.

Въ это время изъ госпиталя выбѣжали солдаты и открыли по „Цепелину“ огонь залпами.

„Цепелинъ“, хотя и былъ подстрѣленъ, но, къ несчастью, успѣлъ скрыться.

Грабители.

Новыя данныя, рисующія поведеніе германской арміи въ Брюсселѣ, сообщается въ „Evening News“ г-жа Латуръ, жена директора брюссельскаго музея, прѣбывавшая изъ Бельгіи въ Лондонѣ.

— Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что

Нѣмецкая жестокость въ... нѣмецкой каррикатурѣ.

Нѣмецкіе принцы получили отъ царька африканскихъ людоедовъ почетные кольца для ношенія въ носу.

германцы войдутъ въ Брюссель,—писать она,—мой мужъ рѣшилъ остаться на своемъ посту и охранять сокровища музея. Онъ надѣялся, что частная собственность будетъ пощажена въ виду того, что Брюссель не являлся укрѣпленнымъ городомъ. Но, черезъ нѣсколько часовъ послѣ вступленія въ Брюссель нѣмцевъ, два прусскихъ офицера, въ сопровожденіи солдатъ, уже стучались въ нашу дверь. Всѣ сторожа были отпущены, и мужъ, видя, что офицеры не намѣреваются уходить, рѣшилъ впустить ихъ.

Не обращая на него вниманія, офицеры направились къ двери, ведущей въ музей. Найдя ее запертой, они потребовали у моего мужа ключи, когда тотъ отказался дать ихъ, нѣмцы отняли связку ключей силой. Офицеры вошли въ залъ гдѣ обычно, находились безцѣнные эмали 12-го вѣка и драгоценности. Наиболѣе цѣнные вещи были

уже увезены и нѣмцы пришли въ ярость, хотя все же отобрали изъ картинъ, фарфора и драгоценныхъ вещей то, что имъ пришлось болѣе по вкусу, приказавъ мужу „завернуть“ имъ все это, какъ въ лавкѣ.

Они нисколько не скрывали, что берутъ эти вещи для украшенія своихъ жилищъ.

— Это очень подойдетъ къ моему салону, а то пригодится для будуара жены,—объявилъ одинъ изъ нихъ, а другой сказалъ:

— Марта просила привести ей настоящихъ брюссельскихъ кружевъ, эти миниатюры доставятъ ей удовольствіе.

Офицеры нѣсколько разъ еще возвращались, иногда одни, иногда съ другими офицерами, и каждый разъ уносили что-нибудь. Въ общемъ, они похитили, такимъ образомъ, не менѣе 50 картинъ.

Австрійскія разрывныя пули.

О цѣломъ транспортѣ пуль думъ-думъ сообщаетъ корреспондентъ „Раннаго Утра“ изъ Львова. Онъ видѣлъ транспортъ разрывныхъ пуль, захваченный у австрійцевъ и хранящийся въ нашихъ складахъ на театрѣ войны.

Системъ этихъ пуль думъ-думъ нѣсколько. Одна система попадаетъ отрывнымъ концомъ въ тѣло и разрываетъ рану, другая пуля разрывается въ мелкіе куски внутри. Наиболѣе ужасныя пули съ тонкой полоской на мундштукѣ. Онѣ начинены сильнѣйшимъ составомъ. Съ этими пулями надо обращаться осторожно, такъ какъ онѣ взрываются даже при паденіи на землю. Плѣнные показывали, будто эти пули раздаются по пять штукъ на роту для установленія дистанціи. Наши войска, однако, подбিরали въ Австріи сплошныя какія пули. Имѣются захваченныя пулеметы, ленты которыхъ состоятъ сплошь изъ ужасныхъ пуль думъ-думъ.

«Мирные» нѣмцы.

Рядовой Зарѣцкій, привезенный въ Петроградъ 28 сентября въ партіи раненыхъ, рассказаль, какъ отплатили „мирные“ жители восточной Пруссіи русскимъ за человѣчное и корректное отношеніе къ себѣ со стороны нашихъ войскъ.

Въ занятый нашими Нейденбургъ доставлены были въ повозкахъ изъ передовыхъ отрядовъ раненые. Рядовой Зарѣцкій состоялъ при повозкахъ. Прибыли вечеромъ, переночевали въ предмѣстьѣ благополучно; большинство жителей были на своихъ мѣстахъ и казались дѣйствительно „мирными“. Наши никому никакого зла не дѣлали и за все платили звонкой монетой. Но вотъ утромъ былъ отданъ приказъ выступить изъ города и вывезти раненыхъ; и вотъ, когда по узкимъ улицамъ потянулись двуколки и фургоны, внезапно изъ большинства оконъ и дверей началась стрѣльба; это—„мирные“ жители города изъ неизвестно откуда появившихся ружей и револьверовъ разстрѣливали беззащитныхъ, и потому не страшныхъ для нашихъ раненыхъ солдатъ, пользуясь тѣмъ, что войскамъ нашимъ было не до нихъ. Многіе нѣмцы стрѣляли также умышленно въ лошадей, чтобы раненые животныя опрокидывали повозки и падали, загромождая этимъ улицы. Одна лошадь взбѣсила, опрокинула свою двуколку, выбросивъ на дорогу раненыхъ. Зарѣцкій попалъ подъ двуколку, сшибленный съ ногъ, и былъ подобранъ вмѣстѣ съ другими ранеными, съ переломленной ногой. Несмотря на палбу изъ оконъ и изъ за угловъ, наши санитары и обозные солдаты вывезли и вынесли своихъ раненыхъ.

Такъ благодарили русскіе солдаты „мирные“, „честные“ жители Нейденбурга за гуманное и корректное отношеніе къ себѣ и своему имуществу.

Сверхъ-звѣри.

Командиръ батальона отдалъ приказаніе произвести развѣдку и занять деревню. Было выслано для этой цѣли нѣсколько развѣдчиковъ, въ числѣ которыхъ находился Н.

Послѣдній пробрался къ неприятельскимъ окопамъ и, производя развѣдку, собрался возвратиться къ своимъ, но тутъ, замѣченный германцами, былъ раненъ.

Рядовой кое-какъ сдѣлалъ себѣ перевязку, но возможность возврата къ своимъ была потеряна и ему пришлось на ночь остаться недалеко отъ нѣмцевъ.

Прошли сутки и германцы были атакованы нашими, ихъ выбили штыковымъ боемъ изъ окоповъ... И здѣсь глазамъ побѣдителей представилась ужасная картина.

Трупъ рядового Н. былъ найденъ, но въ какомъ видѣ!

У несчастнаго были отрезаны уши, носъ, выколота глаза, а на животѣ и груди было найдено 15 колотыхъ штыковыхъ ранъ.

Оказалось, что всѣ эти звѣрскія истязанія были продѣланы надъ живымъ Н., и смерть послѣдовала отъ сильнаго кровоизліянія и штыковыхъ ранъ.

Нѣмки-грабительницы и мародерки.

Жена офицера, прибывшая изъ Сувалока, рассказываетъ о нѣмецкомъ мародерствѣ: русскія семьи такъ поспѣшно покинули Сувалки, что смогли взять только самыя необходимыя вещи, оставивъ мебель и домашнюю утварь на произволъ судьбы.

Этимъ воспользовались нѣмецкіе мародеры, или, вѣрнѣе, мародерши.

Спустя дня 2 послѣ занятія Сувалока нѣмцами, туда изъ пограничныхъ городовъ прибыли жены нѣмецкихъ офицеровъ, которыя стали обходить оставленныя квартиры и отбирать лучшія вещи. Затѣмъ у населенія были потребованы поводы и ограбленное добро было аккуратно запаковано и отправлено „нахъ фатерландъ“. Увозилось все, даже такія громадныя вещи, какъ мебель и пианино.

Грубые скоты.

Одинъ врачъ рассказываетъ эпизоды изъ военныхъ дѣйствій въ восточной Пруссіи.

Раненые нѣмецкіе офицеры не хотѣтъ сдаваться въ плѣнъ.

Когда подходятъ къ нимъ наши санитары, они дерутся, кусаются, бранятся, часто плачутъ отъ досады.

Былъ такой случай: одного нѣмецкаго раненаго офицера съ большимъ трудомъ доставили въ госпиталь.

Онъ измучилъ всѣхъ санитаровъ.

Въ госпиталь онъ продолжалъ драться и браниться. Думали, что онъ постыдится сестры милосердія, и позвали одну изъ нихъ, предложивъ ей

какъ-нибудь укротить свирѣпаго офицера.

Но офицеръ, увидѣвъ сестру милосердія, крикнулъ по-нѣмецки:

— Не приходи, а то заплюю тебѣ всю рожу!..

Сестра, не обращая вниманія на эту угрозу, подошла къ раненому.

Послѣдній привелъ въ исполненіе свою угрозу и плюнулъ сестрѣ милосердія въ лицо.

Въ другомъ случаѣ, обезоруженный нѣмецкій офицеръ отыскалъ въ карманѣ перочинный ножикъ, обнажилъ лезвіе его и вонзилъ остріе прямо въ спину нашего санитаря въ то время, когда онъ, наклоняясь, дѣлалъ ему перевязку.

Титулованные мародеры.

Мародерствуя въ южной части Ц. Польскаго, австрійскія войска навѣстили, между прочимъ, и извѣстнаго тамошняго помѣщика, скотовода и коннозаводчика А. Будны.

Въ помѣстьѣ къ нему явился „цвѣтъ“ австрійской кавалеріи—отрядъ венгерскихъ гусаръ, которые насчитываютъ въ своихъ рядахъ много представителей высшей австро-венгерской аристократіи. Изъ числа послѣднихъ въ помѣстьѣ г. Б. прибыли графъ Зичи, баронъ Сардасъ и др.

Прежде всего нежданные «гости» заказали обильный обѣдъ, а въ ожиданіи его пошли любоваться роскошнымъ домомъ г. Б. и осмотрѣли его конскій заводъ. Осмотръ этотъ сопровождался самымъ беззастѣнчивымъ грабежомъ.

Баронъ Сардасъ открыто стащилъ со стола и положилъ въ карманъ дорогіе золотыя часы г. Б. съ цѣпочкой и брелоками, а когда г. Б. пытался протестовать, то вытащилъ револьверъ и недвусмысленно пригрозилъ имъ г. Б.

Его „соратникъ“, графъ Зичи, записавшись маленькимъ ручнымъ саквояжемъ, сложилъ туда «на память» дорогія бездѣлушки, украшавшія кабинетъ и гостиную г. Б., а третій офицеръ, «попрактичнѣе», снялъ съ г. Б. мѣховую «венгерку», а изъ шкафа укралъ гетры и хлыстъ съ дорогой рукояткой.

На конскомъ заводѣ офицеры выбрали шесть чистокровныхъ скакуновъ, общою стоимостью въ 50 тыс. руб., и «реквизировали» ихъ.

За обѣдомъ офицеры потребовали вина, которое такъ пришлось имъ по вкусу, что они не только перепились вдребезги, но и конфисковали изъ погреба г. Б. 500 бутылокъ вина лучшихъ сортовъ.

Послѣ обѣда пьяная компанія рѣшила „слегка развлечься“ и отправилась на свиной дворъ. Выпустивъ здѣсь изъ хлѣвовъ свиней, пьяные офицеры устроили «охоту» и перестрѣляли нѣсколько десятковъ дорогихъ іоркширскихъ производителей и матокъ.

Въ общемъ, этотъ визитъ австрійской аристократіи обошелся г. Б. свыше 80 тыс. руб.

Въ книжномъ складѣ журнала „20-й ВѢКЪ“.

ПЕТРОГРАДЪ,

7-я Рождественская улица, домъ № 30,

а также у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на пристаняхъ
и во всѣхъ кіоскахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ,

продаются слѣдующіе роскошно-иллюстрированные сборники
въ многокрасочныхъ обложкахъ:

1. Нѣмецкія звѣрства. Памятка для русскихъ людей съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ звѣрствъ, учиненныхъ нѣмцами надъ мирными русскими гражданами.
2. Кайзеръ Вильгельмъ въ анекдотахъ и нѣмцы въ каррикатурахъ. Сатирическій сборникъ, безжалостно осмѣивающій нѣмцевъ во главѣ съ ихъ клоуномъ-кайзеромъ. Составилъ Ясновидящій.
3. Наша союзница Франція. Этнографическій очеркъ, дающій возможность каждому ознакомиться съ жизнью великаго французскаго народа. Масса иллюстрацій. Ноты „Марсельезы“.
4. Наша союзница Англія. Этнографическій очеркъ, подробно знакомящій съ современнымъ состояніемъ, бытомъ и военно-морской мощью Англіи. Массы иллюстрацій.
5. Русскіе военные анекдоты. Историческіе и современные. Съ портретами и множествомъ рисунковъ.
6. Русскій солдатъ, его отвага, добродушіе и юморъ, проявленныя въ войнѣ 1914 года. Со множествомъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
7. Шпіоны и шпіонки. Захватывающе-интересные рассказы, очерки и разоблаченія тайнъ военнаго шпіонажа непріятельскихъ странъ. Множество любопытнѣйшихъ рисунковъ. Составилъ Альбіоновъ.
8. Непріятель въ анекдотахъ и каррикатурахъ. Сатирическій сборникъ, безжалостно осмѣивающій представителей германской и австрійской армій. Со множествомъ каррикатуръ лучшихъ русскихъ, французскихъ, англійскихъ и бельгійскихъ художниковъ.
9. Палачи и мародеры. Послѣднія звѣрства нѣмцевъ и австрійцевъ въ Сербіи, во Франціи и Бельгіи. Со множествомъ рисунковъ.
10. Русскій офицеръ. Его героизмъ, находчивость, братское отношеніе къ солдату и юморъ. Со множествомъ рисунковъ.

— Цѣна каждого сборника 10 коп. —

Желающіе получить изъ конторы журнала „20-й ВѢКЪ“ по почтѣ заказной бандеролью, высылаютъ три 7-ми коп. почтов. марки за каждый сборникъ. Наложнымъ платежемъ сборники не высылаются.